

Письма

- Из письма (завещание)
- Учителям

Из письма (завещание)

1914, источник: [здесь](#). Перевод с японского языка на русский: Учение Анархизма. Газета «Сэйто». Том 4, №9, 1 октября 1914 года.

Еще два месяца к твоему возвращению... Я знаю, что мы еще увидимся, но так не могу дождаться... И если бы я могла, я бы немедленно связалась с тобой.. Я хочу встретиться, однако последние два года прошли не так сладко, как мне хотелось, и ни разу за мои короткие двадцать три года жизни ничего не получилось в соответствии с моими ожиданиями. Это все так странно... Я продолжаю сдаваться только потому, что уже слишком поздно, и сдаваться я буду снова и снова. Я даже не могу встретиться с тобой! Я такая слабая... Мои силы исчерпаны, я полностью подчинилась. Люди хвалят меня за мою послушность, хвалят за доброту... Знали бы они, как сильно я страдаю, и как мне неприятно слышать это все. Но как ни странно, у меня больше нет другого выбора, кроме как смириться, я не могу больше не быть доброй. Мне так печально из-за своих проблем, но я устаю. Я продолжала напрасно бороться. Я родилась такой, что даже если заклятый враг попросит отдать меня свою жизнь, я отдам ее ему. И за последние двадцать три года я ни разу не жаловалась, никому не грубила... Когда я обычно пытаюсь отругать детей, которых я обучаю, я начинаю плакать первая. Мои младшие братья и сестры постоянно глумятся надо мной и бранят, а я в свою очередь никаким образом не могу им возразить... Остальные же делают мне комплименты, сближаются со мной, однако я всякий раз начинаю печалиться из-за своих внутренних противоречий: я не могу сближаться с ними в ответ, но и не могу сказать, что злюсь. И когда я практически мертва, никто уже не ненавидит меня. Я не могу ругать себя за это. Я в таком беспорядке... Я не в состоянии больше контролировать себя. Я не думаю, что проживу еще долго, у меня нет никаких свобод, которые естественно даются людям... Господь Бог подарил мне лишь единственную свободу, и в своей жизни я отношусь к ней как к первой и последней... Я ухватилась за нее! И прошу, прости меня за нее... Мое долгожданный конец приближается, и кроме этого, я хочу сказать тебе, хотя я знаю, что ты не будешь таким, но все равно, пожалуйста, не сдавайся... Как я уже говорила раньше: каждый раз, когда я проигрывала, я накладывала еще один слой. И уже сейчас, когда я хочу сбросить этот покров, он становится еще плотнее... У меня даже не осталось пространства, чтобы пошевелиться. Однажды ты сказал мне: «если представить себя мертвым, то можно сделать все, что угодно... Почему бы не принять что-то решительнее?». Но я повторю еще раз, я слабая! Я напугана до ужаса от незнания того, что будет после того, как я вырвусь из этой оболочки. «Мне дана лишь эта свобода — это моя слабость. Даже сложнее, чем смерть, разобраться в этой окружающей меня лжи, чтобы найти свое истинное уродливое «я». Пожалуйста, помни, что у меня не было такой свободы, как у других. Нет ни одного дня, чтобы я счастливая проснулась и сказала: «сегодня мой день»!... Я не могу терпеть этот покров, однако я цепляюсь за него, пока он сжимает меня... Этому не будет конца. Из-за этого я не могу двигаться, никто не сможет услышать мой истинный крик моей души. Я уже не надеюсь на «лучшую жизнь». Я больше не принимаю ни одной причины для существования меня здесь, Я слабый человек, который не способен удержаться за так

называемое «я». Мне напоминают, что само мое существование ничего не стоит, и я не могу больше с этим справляться. Когда я каждый день преподаю за кафедрой, несу чушь в учительской, никто не догадывается, что в глубине души я думаю: «я умру сегодня... Я умру завтра...». Наверное, никто и не заметит моей смерти, пока мое тело не обнаружат, и когда я об этом думаю, я чувствую себя неопишимо. Это моя единственная свобода!» — кричит моя душа. Единственное, что я смогла доказать себе — это бесконечное и абсолютное одиночество людей. Когда меня обнаружат, они, наверняка, будут болтать всякое, однако время постепенно, шаг за шагом, двигается, и спустя два-три года все перестанут. Все забудут о том, что когда-нибудь существовало существо с моим именем. Разве вопрос заключается не просто в незначительной разнице во времени, даже если жить хорошо? Как долго могут передаваться поступки и слова человека? Великая вселенная! Судьба! Это то, что сейчас нависает передо мной. Я больше не могу выносить необходимость обдумывать все это. Когда-то я верила в то, что зовется христианством, ради собственного спокойствия. Я получала похвалы от пасторов и евангелистов. Я была очень религиозной. Когда эту мою личность хвалили, я не могла не чувствовать себя плохо, я чувствовала, что склоняюсь к ложным учениям, я отклонялась от своего предназначения. Примерно в это же время я наконец почувствовала, что улавливаю всю суть, это была судьба. Именно эта сила превратилась в то, что привыкли называть Богом. Я верю в судьбу, и эта сила начала полностью наполнять меня. Я также хочу быть послушной по отношению к этой загадочной силе, которая управляет вселенной. Когда я пишу это, я начинаю задумываться о том, что моя прошлая жизнь не была напрасной. Я все таки двигалась в соответствии с судьбой! Так что я не думаю, что это зря. Не только я, но и все остальные — только люди, не задумываясь о судьбе, живут, и каждый думает по-своему, и если их мысли оказываются верными, они считают это истиной, а если нет — наоборот. Чем больше я об этом думаю, чем больше я пытаюсь это осознать, тем меньше я понимаю. Добро и зло — это названия, выдуманные людьми... Ах, я уже буду заканчивать, стало как-то мрачно. Как-то я перестаю понимать, где проходит грань всего. Я считаю, что то, что я сейчас в моих мыслях, самое правильное и верное, и я буду придерживаться этого. Пожалуйста, согласись с этим и просто радуйся, что мое окончательное решение — это мой первой и последний настоящий поступок. Я перережу узлы, туго стягивающие мое тело с жизнью, и наконец-то обрету свободу, которую от меня отняли во всех смыслах. Пожалуйста, не ной мне ни на что.

Ах, я уже написала до этого момента? Нужно закругляться... Просто моя последняя просьба, как слабого человека, которым я оставалась до самого конца: проживи свою жизнь, как сильный человек, которого не сдерживает ничто. Это единственная моя просьба. Покориться — это не то, что сделала бы по-настоящему самосознанная личность. Я верю в твою храбрость и страсть, чтобы придерживаться этого. Прошу тебя, не забывай. Это не означает хвалю перед другими людьми, нет. Если пожертвуешь собою, выжмешь свою кровь и срежешь свою плоть, люди возрадуются, они похвалят тебя. Но, пожалуйста, не забывай, что похвала — это не то, ради чего стоит жить. Люди не должны привязываться ни к кому, однако они должны сосредоточить всю привязанность к себе и сохранять свой дух. Это все мои слова. Я больше не задумываюсь об этом всем. Впервые в жизни я смогу осуществить самые сокровенные желания от всего сердца своими собственными руками. Как же будут рады люди, которые увидят уродливое тело, оставленное мною... Что я могу предположить? Я уже учла все обстоятельства, никто ничего не узнает. Я единственная знаю. Через три дня, когда это письмо будет находиться у тебя в руках, большая часть моих

желаний исполнится. Впервые я удовлетворяю свои нужды самостоятельно. В первый и в последний раз. Прошу тебя, не ной, пожалуйста. Я наполняюсь радостью при принятии этого решения. Но я одержима лишь тобой, именно это заставило написать меня письмо такой длины. Ты меня утешаешь до сих пор, и я хотела бы поблагодарить тебя. Было так мучительно задумываться об этом... Пожалуйста, прости меня за все... Разорви уже все нити привязанности. Мы разделились. Мы должны были встретиться спустя два-три месяца, но обстоятельства так сложились, что это затянется на более долгий срок, чем хотелось. Ну, я много написала... Есть много противоречий за которые я прошу простить меня. Мой разум в путанице и замешательстве... Прости за разлад, но я прекращу сейчас. Это последний... последний раз, когда я беру в руки кисть. Прощай, прощай... Я не хочу откладывать кисточку навсегда, но, прости, мне действительно придется, прощай!

Газета «Сэйто» Том 4, №9, 1 октября 1914 г.

Учителям

1914, источник: [здесь](#). Перевод с японского языка на русский: Учение Анархизма. Газета «Сэйто». Том 4, №6, июнь 1914 года.

Я давно хотела что-нибудь вам написать, однако из за мыслей о том, что вы лишь рассмеетесь, увидев это письмо, мое желание исчезало. Но раз я уже решилась, то ничего страшного, если вы не прочтете, я просто напишу это для самой себя...

Я без понятия какой мысли обо мне учителя сейчас, но думаю, может быть, они презирают меня. Честно говоря, я тоже их презираю, поэтому я не навещаю школу и не вижу с учителями. Но разве это так плохо? Все же в некотором роде мне нравятся учителя, я не могу их ненавидеть... Я любила преподавателей, когда еще училась в школе и ничего не понимала, но со временем и приходом осознания, ваше отношение стало неприятным для меня. Это потому, что вы вели себя слишком высокомерно и презрительно, вы всегда обращались со мной, как с маленьким ребенком... Я была готова это терпеть, но это точно не показывало вас с хорошей стороны. Я осознавала это хорошо.

Я знаю, что вы много трудились для моего дела, и я благодарна вам. Однако у меня есть претензии: вы показывали свою доброту не только мне, но и моим родителям на родине. Даже если у вас не было этих намерений, я считаю, что вы все равно хотели иметь хорошее впечатление о себе с двух сторон.

Мне всегда казалось, что внутри вас борются два совершенно противоречивых чувства, Хотя вы можете этого не замечать, но они показываются отдельно и очень заметно от друг друга. Я начала вдумываться в это, когда слушала ваши лекции по этике на уроках, там это проявлялось ярче всего... Всякий раз, когда преподаватель приходил, он начинал обсуждать вещи по типу коррумпированности в обществе и подобное, и из за этого мой мятеж в душе, направленный против социальных устоев, начал просыпаться с полусонного состояния. Мое самосознание росло постепенно, и когда я столкнулась с первым барьером на этом пути, я ударила по нему со всех сил, как и учил преподаватель. И то, что позже говорили мне учителя, также укрепляло мои мысли.

А как насчет учителя, из уроков которого во мне проснулся бунт? Когда я задумываюсь об этом, мне становится слегка печально. Он, в конце концов, оказался неспособным жить, противостоя обществу. Однако, осознавал он это или нет, жизнь в согласии с социумом причиняла ему страдания. И эти страдания он выливал перед нами, ничего не понимающими учениками. Мы были всего лишь ничего не понимающими детьми... Теперь я понимаю, что не сумев стать обычным членом социума, постоянно страдая из за него, он продолжал жить во его благо... Как только я вдумываюсь в это, я понимаю, что мне больше нечего ему сказать... Однако учитель воспринимает уже это обиденностью и просто игнорирует, не задумывается об этом, стараясь оставаться довольным. Но мне кажется, это идет ему же и на вред,

интересно, почему он ведет себя именно так? И мне кажется, что я начала все понимать, читая его письма, адресованные другим. Учитель в одном письме написал:

“ «Я слишком эмоциональный, и это плохо! Короче говоря, до и после получения письма, я чувствовал совершенно разные чувства. У меня, склонного резко менять свое настроение, чувствуя в один момент вспыльчивость, а в другой — жалость, из за которой я не могу нормально думать, есть вот такая инфантильная привычка...»

Также учитель написал еще:

“ «С давних пор я замечаю, что, когда я вижу любые недостатки людей, я сразу же высокомерно и презрительно к ним отношусь, постоянно ругаю и критикую. Я понимаю, что это совсем неуважительно, и я сожалею об этом...»

Однако, сколько бы преподаватель ни раскаивался, он остается таким же высокомерным. Я думаю, что он высокомерен к другим равносильно его надменности к самому себе. Плохая привычка не уважать других — это плохая привычка не уважать себя. Даже когда он говорит: «это проблема», то мне кажется, что он не очень обеспокоен этим. Забавно было наблюдать такое халатное отношение ко всему. Однако, даже несмотря на его слова о беспокойстве об этих привычках, он, похоже, написал что-то, что критикует отношение остальных учителей таким образом, что ставит его выше других. Я думаю, что у этого преподавателя просто не хватает настоящего самосознания... Даже если не говорить о самосознании, он не так тщательно задумывается над своей жизнью в этом плане.

Когда учитель читал лекции, он старался всегда исключить моральные ценности, общество и традиции, однако когда дело доходило к практическим вопросам, он все равно включал их в речь. Он, насколько я понимаю, ненавидел шаблоны и всегда осуждал их. Но, мне кажется, жизнь его сама проходила в таком же шаблоне. Учитель судил людей, основываясь не на их индивидуальности, а на каком-то моральном эталоне, разделяя разум и чувства и оценивая их раздельно. Это очевидно, если прочитать то, что он написал в том же письме:

“ «Эмоциональность неизбежна! Это интересно, но это не станет обыденностью. Если следовать ей, могут возникнуть многочисленные трудности, и я прошу вас задуматься над этим. Например, в пьесе, где Хазуин прячет разыскиваемого Хираи Гонпачи. Это интересно в качестве выступления, но моральным примером это быть не может. Соответственно, возникают плохие последствия — противоречие разуму, логике и общественному порядку»

И обязательно ли людям постоянно смотреть на мораль, чтобы жить? Даже если человек учитель, я не думаю, что он никогда не противоречил нравственности. Я считаю, что мораль не считается правдой, и я верю, что Бог не создал бы никогда что-то такое ограничивающее,

как мораль. Если ее придумали люди для собственного удобства, то и могут уничтожить для этого же удобства. Нравственные ценности, которые ограничивают или игнорируют человеческую природу, могут быть разрушены! Если мы не в состоянии ее разрушить, это одно, однако когда мы в состоянии — мы должны двигаться смело. Не нужно уступать ни на шаг ради того, что было создано для удобства... А те, кто не могут — боятся не саму нравственность, а ее последователей. Даже если учитель не признает тот великий авторитет, который существует в моральных ценностях, он просто боится неблагоприятных исходов, которые выльются на его жизнь с помощью силы общества, придерживающегося этой нравственности.

«Я хочу ценить свободу всех, потому что я ценю свою свободу» — так сказал один из преподавателей, и этот учитель назвал эти слова красивыми. Однако я полагаю, что он не совсем правильно понял их... Ведь если бы у всех людей было такое сознание, ни одно из их собственных решений не мешало бы решениям остальных, а учителя такой расклад бы явно не устроил. Это не абсолютная свобода, ее нельзя получить никоим образом, однако можно получить что-то более к ней приближенное. Учитель также критиковал и других преподавателей и нас, потому что немного недооценивал то, Хоть мы сейчас и бедны, мы живем жизнью, близкой к той, которую учитель называл всего лишь фантазией. И у нас нет никаких противоречий или страданий, кроме общих мук, которыми страдают все. Теперь мы можем противостоять всем, не испытывая никаких ограничений! Скоро пройдет три года с того момента, как учитель заявлял нам это, но наша любовь не угасает. Несмотря на то, что я восстала против нравственности, это не сказалось на моей жизни. Я расту, продолжаю расти, и буду продолжать.

Я не пытаюсь донести что-либо новое, но грустно осознавать то, что учитель постепенно остается позади времени. Я думаю, что это определенно связано с плохим положением учителя, и еще я думаю, что он боится за свою жизнь из-за этого.

Учитель может рассмеяться или разозлиться, если я заявлю ему это, однако я не считаю, что мой ход мыслей ложный. Когда я была в школе, я с большим энтузиазмом вслушивалась в его лекции. И я многое не понимала, но я делала вид, что слушаю! И сейчас мне кажется это забавным, ведь я действительно ничего не понимала, и даже в это время, перечитывая его труды, я до сих пор многое не понимаю. Как бы я не вчитывалась в написанное, мне по-прежнему кажется, что лишь бессвязный набор слов. Эти слова казались мне безжизненными и лишеными реальности, и я не чувствую абсолютно никаких чувств при прочтении... И мне правда кажется, что каждое ваше слово лишь взято из какой-нибудь выдумки. Безусловно, он прекрасно понимал уродливость общественных устоев, но дальше этого он никогда не выходил, говоря обо всем несколько абстрактно. Когда мы еще учились, мы были детьми, и мы были практически слепыми, и профессор улавливал какие-то поверхностные факты об обществе и страстно рассказывал нам о них, и мы, ничего не понимающие, впечатлялись...

Газета «Сэйто». Том 4, №6, июнь 1914 г.